

Война Владимир

Ямное

Польша

Ильич

и

Россия:

Ноява

Ванная

Лана

незаконченная

Аннистель

история

Смута

Война Владимир

**Польша и Россия:
незаконченная история**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

Польша и Россия: незаконченная история / В. В. Владимир —
«Автор», 2026

Она исчезла с карты Европы на 123 года — и выжила. Запрещали язык, закрывали университеты, стирали имя. Она возвращалась — в стихах, в молитвах, в подпольных школах, в шёпоте матерей. Это история народа, который научился жить без государства — и так и не научился жить с ним. От Венского конгресса 1815 года до военных дымоходов на Висле в 2025-м. От «Польша ещё не погибла» до «Польша должна быть сильной». Не гимн. Не приговор. Попытка понять, как имперская политика формирует народы и почему аппетиты растут быстрее, чем усваиваются уроки. Польша мечтает об империи. Но империи не мечтают о Польше. Они её используют. А потом оставляют одну.

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Польша и Россия: незаконченная история

Глава

Часть первая. Мечта о конституции (1815—1830)

Глава первая. Последняя милость

1815 год, Вена. Карта Европы перекраивалась за столом переговоров, и Польша — государство, исчезнувшее уже двадцать лет назад, — стала самой сложной фигурой в игре великих держав.

Александр I стоял перед выбором. Его армия сражалась на этой земле с польскими легионами Наполеона; само существование Варшавского герцогства было вызовом российскому западному рубежу со стороны французского императора. Но теперь победители должны были решить судьбу этой земли. Пруссия хотела её аннексировать, Австрия не желала видеть Россию единственной хозяйкой, а Англия опасалась чрезмерного расширения русского влияния.

Александр принял решение, удивившее всех.

Он не включил Варшавское герцогство полностью в состав империи. Напротив, он дал ему имя: Царство Польское. И, что ещё более поразительно, он дал ему конституцию.

Эта конституция не была декорацией. Царство Польское имело собственный сейм, собственное правительство, собственную армию, собственную финансовую систему. Польский язык был официальным языком, поляки занимали большинство административных должностей. Аннексированная страна получила политические права, которых не имели даже коренные земли Российской империи.

Европа была изумлена. Поляки ликовали.

Но ликование заглушало два ключевых факта.

Первый: конституция была «дарована», а не «признана».

Решение Александра I на Венском конгрессе было по сути осуществлением королевской прерогативы, а не правом, завоёванным поляками. Варшавское герцогство не было присоединено к России по договору с поляками — оно было «включено» в состав Российской империи по Венскому трактату, то есть по соглашению между великими державами. Это означало, что само существование Царства Польского коренилось не в воле поляков, а в милости царя.

Даритель мог в любой момент отобрать дар.

Второй: «Царство Польское» — это не Польша.

Его территория составляла около ста двадцати тысяч квадратных километров — лишь одну шестую часть Речи Посполитой до первого раздела 1772 года. Литва, Белоруссия, Правобережная Украина — те исторические земли, которые при разделах отошли к России, — не входили в состав Царства. Они были выделены в «западные губернии» и подчинены непосредственно имперской администрации.

Поляки в пределах Царства пользовались конституционными правами, но их соотечественники «там» — нет. Поляк из Вильны не был гражданином «Царства Польского», он был подданным российского императора. Пока депутаты сейма в Варшаве вели дебаты, польской шляхте в Литве не разрешали даже собраний.

Поляки быстро поняли: Александр дал им изящную клетку. Птица могла петь внутри, но дверца запиралась на ключ, который был у царя.

Уверенность Александра I в польском вопросе граничила с наивностью. В 1819 году, возвращаясь из Пруссии в Россию, он сказал своим приближённым: «Если поляки поднимут восстание, это произойдёт только в Австрии — в Галиции, или в Пруссии — в Познани. У нас такое восстание невозможно».

Он ошибался.

Не потому, что поляки не хотели независимости — они мечтали о ней. А потому, что он неправильно понял созданную им же систему.

Конституция Царства Польского дала полякам привычку к политическому участию, автономные институты, публичное пространство для национального языка. То, что однажды дано, трудно отнять. А логика империи — централизация, не разделение власти. Царь мог даровать, но имперская бюрократическая машина не уважала дарованное.

Конституция была живым документом, но даритель видел в ней лишь бумагу.

Поляки думали, что получили мост к независимости. На самом деле они получили разрешение, которое в любой момент могли отозвать. И когда отзыв произошёл — а он должен был произойти, — поляки не смирились.

Потому что они уже вкусили автономию.

Царство Польское 1815 года было экспериментом. Предпосылка эксперимента: поляки могут, в рамках милости царя, забыть о независимости и принять «национальное существование» внутри империи. Гипотеза эксперимента: конституция способна выкупить национальную память.

Но в национальной памяти поляков была Речь Посполитая, простиравшаяся от Балтики до Чёрного моря до 1772 года. Были Коперник, Чарторыйский, первая в Европе писаная конституция 1791 года. Был грохот восстания Костюшко.

Одной шестой было недостаточно. Дарованного было недостаточно. Конституция не заменяла независимость.

Александр I полагал, что решил польский вопрос. Он лишь упаковал его в изящную коробку, наклеил ярлык «Царство» и поставил на западной границе России.

Содержимое коробки бродило.

А тот, кто охранял коробку — великий князь Константин, брат Александра, назначенный править Польшей, — своими руками ускорит процесс брожения.

Глава вторая. Разрезанная память

8 сентября 1831 года Варшава пала. Главнокомандующий русскими войсками Паскевич в донесении Николаю I употребил три слова: порядок, покорность, очищение.

Поляки употребили другое слово: Великая эмиграция.

После поражения восстания тысячи поляков начали бежать на запад. Они переходили границы, шли через Пруссию, через Австрию и в конце концов собирались в Париже. Это было не обычное политическое убежище — это был мозг целого народа в изгнании.

К концу 1832 года во Францию прибыло более пяти тысяч польских беженцев. К 1862 году это число выросло почти до тридцати тысяч. Среди них были офицеры, политики, профессора, студенты, журналисты, писатели, музыканты. Три четверти происходили из шляхетского сословия, четверть — из простолюдинов. Подавляющее большинство — молодые мужчины; женщины составляли лишь около двух процентов.

Само слово «Великая» говорит обо всём. Она называлась великой не только из-за численности, но и потому, что в течение последующих тридцати лет стала подлинным центром польской политической, интеллектуальной и культурной жизни. Поляки сами понимали этот парадокс: они покинули Польшу, чтобы сохранить Польшу.

Париж стал центром изгнанников. Но польские эмигранты раскололись почти в первый же день по прибытии. Консерваторы во главе с князем Адамом Чарторыйским, политическая база — отель Ламбер. Его цель — восстановление Польши дипломатическими средствами: добиваясь поддержки Англии и Франции, используя международные конгрессы и договоры. Демократы состояли из молодых радикалов: бывших офицеров-повстанцев, студентов, журналистов. Их лидером был историк Иоахим Лелевель. Лозунг демократов — «народ»: Польша не только шляхетская, но и крестьянская, и ремесленная.

Трещина между двумя лагерями наметилась ещё во время восстания. Теперь, на чужой земле, она разошлась окончательно.

Польские эмигранты не сидели только в парижских салонах. В 1831 году итальянский революционер Буонарроти основал в Париже «Высшую вселенскую ставку» — международную организацию карбонариев. Около четырёхсот польских эмигрантов вступили в карбонарские организации. Они были напрямую связаны с европейским республиканским, революционным, карбонарским интернационалом. Их целью была не только Польша — они верили, что независимость Польши может быть достигнута только через европейскую революцию.

Весной 1833 года группа польских эмигрантов выступила из Франции и пешком, через Германию и Австрию, попыталась проникнуть в Царство Польское, чтобы поднять новое восстание. Их возглавил Юзеф Заливский. Их план был «малой войной» — партизанской. Семьдесят эмигрантов отправились в обратный путь. Они думали, что, когда дойдут до Польши, соотечественники восстанут.

Они ошиблись. Польские крестьяне не восстали. Отряд Заливского был обнаружен русскими войсками сразу после перехода границы. Восстание не успело начаться. Эта неудачная экспедиция имела тяжёлые последствия. Николай I использовал это «вторжение» как предлог для усиления репрессий.

Поляки используют слово «Wielka Emigracja», что означает не просто «великая эмиграция», но «великое изгнание». Она велика потому, что создала уникальное явление: народ продолжал существовать за пределами своей территории. Границы Польши исчезли, но Польша не исчезла. Она жила в парижских мансардах, в салонах отеля Ламбер, в подпольных типографиях Демократического общества, в поэзии Мицкевича, в мазурках Шопена.

Фредерик Шопен прибыл в Париж в сентябре 1831 года. Покидая Варшаву, он ещё не знал о поражении восстания. По дороге, в Штутгарте, он узнал о падении Варшавы и написал «Революционный этюд». С тех пор он больше никогда не вернулся в Польшу. Его музыка стала голосом Польши в изгнании. Адам Мицкевич тоже был в Париже. Он написал «Пана Тадеуша» — эпопею, действие которой происходит в польско-литовской деревне. Он также читал лекции по славянской литературе в парижском Коллеж де Франс.

В Париже была основана Польская библиотека. Основано Польское историческое общество. Открыты польские школы для детей эмигрантов. У эмигрантов были свои газеты, свои клубы, свои рестораны. Это был народ, воссоздающий себя в изгнании.

Но у эмиграции была и тёмная сторона. Бесконечные споры, фракционная борьба истощали силы. Они спорили о причинах поражения восстания, о том, кто виноват, о том, какой должна быть будущая Польша. В самой Польше такие споры были невозможны — там были цензура, полиция, тюрьмы. В Париже можно было говорить всё, и всё было сказано.

А в Польше оставшиеся молчали и ждали. Эмигранты думали, что говорят от имени Польши. Но те, кто остался в Польше — крестьяне, рабочие, ксёндзы, мелкая шляхта — согласны ли они? Волнует ли их это? Ответ на этот вопрос будет дан в 1863 году. Но это будет через тридцать лет.

Глава третья. Польша великого князя Константина

1826 год, Варшава. Бельведерский дворец.

Великий князь Константин Павлович стоял у окна дворца и смотрел на польских солдат, шагавших по Краковскому предместью. На нём был польский мундир, грудь увешана орденами. Он был братом царя. Он был главнокомандующим польской армией. Он был фактическим правителем этого царства — хотя ни один юридический документ не давал ему этого титула.

Поляки дали Константину много прозвищ. «Бельведерский зверь». «Получеловек-полуобезьяна». «Монстр с глазами гремучей змеи». Но польские историки позже признали: «Споры вокруг Константина проистекают прежде всего из непонимания мотивов его поступков».

Он действительно был жесток. Он действительно был подозрителен. Он действительно превратил всю Польшу в огромную сеть шпионажа. Но вопрос в другом: почему он был таким? Константин не был Александром. Он не понимал тонкой балансировки «просвещённого абсолютизма». По его мнению, порядок есть порядок. Неподчинение есть хаос. Хаос надо подавлять.

Его политическое кредо, если выразить его одной фразой, он сформулировал сам: «Я не слушаю конституцию, я слушаю императора Александра. Что прикажет мне мой брат, то я и делаю».

Это означало: конституция в руках Константина — просто бумага. Если Александр не скажет «соблюдай конституцию», Константин не будет её соблюдать. А Александр — как доказал кризис сейма 1820 года — чем дальше, тем меньше хотел это говорить.

В 1826 году, после вступления на престол Николая I, произошло странное решение. Он не назначил Константина официальным «наместником» Царства Польского. Вместо этого он передал власть наместника Административному совету — коллегиальному органу. Но председателем Административного совета был Валентий Соболевский — человек слабый, без амбиций. Константин как главнокомандующий польской армией стал фактическим распорядителем Административного совета.

Этот расклад был юридически абсурден. Русский великий князь без официальной должности управлял царством, формально имеющим конституцию, осуществляя полномочия, которых не было даже у официального наместника. Но никто не смел возражать. Потому что брат Константина был царём.

С 1801 по 1823 год он был законным наследником российского престола. Затем он уступил это право брату Николаю. В обмен он остался в Польше и стал этим безымянным королём.

В польском обществе 1820-х годов ходила поговорка. Сначала говорили: «Конституция на столе, кнут под столом». Позже, когда Александр всё откровеннее отступал от обещаний, поговорка изменилась: «Кнут на столе, конституция под столом».

Способ правления Константина — ключ к пониманию этой поговорки. Он действительно делал кое-что полезное для поляков. Он женился на польской аристократке Иоанне Грудзинской — брак, потрясший всю Варшаву. Он действительно иногда защищал польскую автономию. Когда Валериан Лукасиньский — лидер Польского патриотического общества — был приговорён польским судом к семи годам заключения, Константин поддержал этот приговор. Царь и Новосильцев требовали смертной казни. Константин настаивал: пусть польский суд судит поляка — это уважение к законности царства.

Но он же мог на смотре заорать на офицеров: «Вы всего лишь свиньи и жалкие твари! Я вам покажу конституцию!» Эта фраза выдаёт его истинное отношение. «Я вам покажу конституцию» — конституция в его устах была угрозой, наказанием.

Сейм 1820 года стал поворотным моментом в правлении Константина. Александр в тронной речи предупредил поляков об «опасном духе, бродящем по Европе». Затем напомнил: конституция — это порядок, дарованный им «по собственной воле». Иначе говоря: он может её и отобрать.

Сейм не покорился. Депутат от Калишского воеводства Винценты Немоевский поднялся с места. Он был лидером «Калишской оппозиции». Его речь стала одной из самых знаменитых в истории польского сейма: «Конституция есть собственность народа. Король не вправе её отнять, не вправе её изменить. Мы уже лишились свободы печати; у нас нет неприкосновенности личности; собственность нарушается; теперь у нас хотят отнять ответственность министров. Что остаётся от конституции? Тень великого имени».

Сейм отклонил правительственный проект 117 голосами против 3. Александр пришёл в ярость. В заключительной речи он обвинил депутатов в том, что они «задерживают дело восстановления вашего отечества». Затем он дал Константину *carte blanche*: полную свободу

действий, без конституционных ограничений. Вернувшись в Петербург, Александр почти подписал указ об отмене польской конституции. Его остановили министр иностранных дел Капострия и английский посол. Но мысль никогда его не покидала.

В 1822 году, согласно конституции, должен был собраться третий сейм. Он не собрался. Константин под предлогом «волнений, вызванных политическими арестами» предложил царю отложить сейм. Александр согласился. Сейм собрался вновь только в 1825 году — на три года позже, чем требовала конституция.

За эти три года печать была подвергнута предварительной цензуре. Прения сейма перестали быть публичными. Полиция была повсюду. Личная шпионская сеть Константина разрослась до таких размеров, что в письмах в Петербург Константин хвастался, что приставил агентов следить за посетившим Варшаву британским министром иностранных дел лордом Каннингом. Бюджет тайной полиции: 180 тысяч польских злотых из казны царства, 14 тысяч дукатов из российской казны. Польские историки подсчитали: за всё время существования Царства Польского расходы на тайную полицию превысили расходы на народное просвещение.

Константин в польской истории — странный тиран. У поляков никогда не было настоящих тиранов — их короли были выборными, их власть была ограниченной. Поэтому когда появился Константин, варшавяне «с невольным облегчением» приняли слово «тиран». Константин требовал покорности. Непокорные нарушали его порядок. А больше всего он жаждал порядка.

Тиран должен быть страшным. Константин действительно внушал полякам страх. Кто не снимал перед ним шляпу, кто позволял себе недовольное выражение лица — тот мог быть наказан. Когда карета великого князя ехала по улицам Варшавы, люди прятались в подъездах. Его карета была особой конструкции и при движении издавала грохот, подобный поезду. Ему нравилось смотреть, как прохожие в панике разбегаются.

Но тиран, который смешон, уже не тиран. Константин временами был смешон. Он мог внезапно впасть в ярость, топтать ногами, дёргать кого-то за бороду. В Варшаве ходили сатирические стихи о нём: «Возьми внутренности мёртвого труса, кишки тигра, яд сотни гремучих змей и целую лису, возьми гиену и гидру, сердце Суворова, всего Робеспьера, убийцу Нерона — сделай из этого тесто — слепи американскую обезьяну, добавь мрачный взгляд — дикую, надень на неё зелёный мундир, добавь эполеты — это чудовище и есть великий князь Константин».

Когда тиран становится посмешищем, он теряет устрашающую силу. А тиран, потерявший устрашающую силу, опасен — не для народа, а для себя самого.

Константин любил Польшу. Это самое тревожное в этой истории. Он женился на польке. Он жил в Варшаве. Он носил польский мундир. Он помогал нуждающимся солдатам из собственных средств. Он ограничивал цензуру, ограничивал полицейские полномочия, позволял польскому правительству принимать решения. Когда царь и Новосильцев требовали казни Лукасиньского, он настоял на том, чтобы поляка судил польский суд.

Польские историки отмечают: после женитьбы на Иоанне Грудзинской Константин «переменился». «Он перестал вести распутную жизнь, начал гулять по улицам Варшавы без охраны, запросто болтать с жителями, помогать солдатам из собственного кармана, а решение политических вопросов предоставил полякам».

Он любил эту польскую армию. Он считал её своим творением, своими учениками, своей гордостью. Он без конца муштровал её, терзал, но и баловал. Но эта любовь была уродливой. Это была собственническая любовь. Польша — его. Польская армия — его. Поляки должны ему подчиняться.

Когда поляки не подчинялись — когда сейм критиковал правительство, когда появлялись тайные общества, когда молодые люди читали запретные стихи Мицкевича — «любовь» Константина превращалась в бешенство. Он как-то заорал польским офицерам: «Я вам покажу

конституцию!» Истинный смысл этой фразы таков: конституцию вам даровал мой брат. Я могу вам её дать, могу и отнять. Ваше существование зависит от моей воли.

В декабре 1825 года умер Александр I. Константин должен был стать царём. Но ещё в 1822 году он тайно отказался от права наследования — потому что его брак был морганатическим, его жена не могла стать императрицей, их дети не могли наследовать престол. Он отказался.

Но когда весть о смерти Александра дошла до Варшавы, Константин сделал странную вещь. Он не сразу объявил о своём отказе от престола. Напротив, он заставил всю польскую армию, всё правительство, весь город присягнуть «императору Константину Павловичу». Лишь через несколько недель он официально подтвердил свой отказ в пользу Николая.

Почему? Историки спорят до сих пор. Одни говорят, что он хотел стать царём и просто ждал момента. Другие — что он просто запутался в ситуации. Третьи — что он хотел этим жестом показать полякам: я мог бы стать вашим царём, но выбрал Польшу. Какова бы ни была причина, последствия оказались серьёзными. Николай I в Петербурге никогда больше не доверял брату до конца. А Константин в Польше после этого кризиса наследования стал ещё более подозрительным, ещё более свирепым, ещё более непредсказуемым.

Его правление вступило в последние пять лет. За эти пять лет польские тайные общества выросли. Молодёжь строила заговоры. Офицеры поддерживали связи. Провал русских декабристов преподавал полякам жестокий урок: революция в России невозможна. Поляки должны действовать сами.

Константин знал обо всём. Его шпионская сеть доносила обо всём. Но что он мог сделать? Арестовать? Он уже арестовывал сотни. Заключение в тюрьму? Тюрьмы были переполнены. Сослать? На снежных просторах Сибири уже было слишком много польских могил. Он мог только ждать. Ждать того момента, который, он был уверен, наступит.

Этот момент наступил в ночь на 29 ноября 1830 года.

Группа молодых офицеров ворвалась в Бельведерский дворец. Константин вскочил с постели и в ночной рубашке бежал через чёрный ход. Его польская жена Иоанна — та женщина, которая его изменила — была найдена в суматохе и благополучно выведена из дворца.

Константин бежал за город. Его армия была при нём. Он мог повернуть на Варшаву. Он мог подавить восстание. Он не сделал этого. Он принял представителей повстанцев — Чарторыйского, Лелевеля — и затем позволил польской армии вернуться в Варшаву. В обмен повстанцы обещали ему и русским войскам беспрепятственный проход через границу царства.

Польские историки пишут: «Эта снисходительность поддержала и укрепила мятеж, позволив всей польской армии принять в нём участие, тогда как большая её часть ещё колебалась в ожидании указаний наследного принца. Так правление наследного принца в Польше завершилось».

Константин правил Польшей пятнадцать лет. Он создал порядок, а затем своими руками разрушил его. Он любил Польшу, а затем отпустил людей, которые уничтожили его порядок.

В июне 1831 года Константин Павлович умер от холеры. Накануне подавления польского восстания русскими войсками. Он умер в Витебске, в сотнях километров от Варшавы, которую любил и разрушил. Его польская жена была рядом.

Поляки не оплакивали его. Они воевали — войну, которую он мог предотвратить. Войну, которая стала возможной из-за его «снисходительности». Войну, которая должна была уничтожить всё, что он создавал пятнадцать лет.

Константин так и не понял поляков. Он думал, что порядок — это покорность. Он думал, что конституция — это милость. Он думал, что любовь может заменить уважение. Он ошибался.

Поляки хотели свой порядок, свою конституцию, своё государство. А не русского великого князя в польском мундире, который кнутом учит их, что такое «конституция».

Когда гроб Константина везли в Петербург, Польша горела. А Бельведер — тот самый, где он прожил пятнадцать лет, где женился на польке, откуда в ночь на 29 ноября 1830 года бежал в ночной рубашке, — превращался в штаб повстанцев.

«Бельведерский зверь» умер. Польская армия, которую он вырастил, объявила войну его брату.

Глава четвёртая. Молодые люди из тайных обществ

19 апреля 1821 года, Варшава. Майор по имени Валериан Лукасиньский собрал шестерых офицеров. Это были остатки «Национального масонства» — организации, основанной в 1819 году с целью «сохранения народности», которая постепенно повернула к восстановлению независимой Польши. Но внутри масонства шли бесконечные ссоры, и Лукасиньский решил сменить название.

Он объявил о создании Патриотического общества.

Это был поворотный момент. С этого времени польские тайные общества перестали быть философскими дискуссиями в салонах, перестали быть масонскими нравственными упражнениями. Лукасиньский дал им ясную цель: восстановление независимости.

Валериан Лукасиньский родился в 1786 году. Он участвовал в войне 1809 года, в наполеоновском походе 1812 года, был ранен под Лейпцигом. После войны вернулся в Царство Польское, стал пехотным офицером. Он не был аристократом. Он был профессиональным военным, офицером, поднявшимся из низов. Это отличало его от тех шляхетских сыновей, что рассуждали о свободе в салонах. Лукасиньский понимал: независимость не падает с бумаги.

Структура Патриотического общества повторяла карбонарскую: центральный комитет, страна делилась на шесть провинций, седьмой была армия. Лукасиньский вербовал членов в армии, особенно младших офицеров — тех, у кого не было шляхетского происхождения и кто жил на жалованье. Его вербовка была успешной. К 1822 году Патриотическое общество имело значительные размеры. Лукасиньский даже пытался установить связи с горожанами и интеллигенцией, потому что понимал: без поддержки города восстание невозможно.

Но Лукасиньский совершил ошибку. Он слишком торопился. В 1822 году его арестовали. Агенты царя уже проникли в Патриотическое общество. После ареста Лукасиньского бросили в варшавскую тюрьму. Он проведёт там остаток жизни — сорок шесть лет, до 1868 года, так и не выйдя на свободу.

Пытки, которым его подвергли, — одни из самых чудовищных в польской истории. Следователи всеми средствами пытались вырвать у него имена сообщников. Он не сказал ни слова. Патриотическое общество не рухнуло. Молчание Лукасиньского спасло организацию. Остальные члены ушли в подполье и продолжили деятельность.

После ареста Лукасиньского руководство Патриотическим обществом перешло к другой группе. Это были аристократы, но не такие, как Лукасиньский — выходец из строя. Это были сенатор Станислав Солтык, камергер Антоний Яблоновский, подполковник кавалерии Северин Кржижановский. Их общественное положение было выше, но революционный пыл — ниже. Это был шаг назад. Патриотическое общество Лукасиньского было революционной организацией: его руководители — военные, его члены — преимущественно младшие офицеры. Новое руководство — крупная аристократия, желавшая автономии, а не революции; переговоров, а не восстания.

Кржижановский был исключением. Он был радикальнее других, потому что когда-то был последователем Лукасиньского. Он понимал завет Лукасиньского: независимость Польши требует союза с русскими революционерами. Именно Кржижановский начал тайные переговоры с русскими декабристами.

Пока варшавское Патриотическое общество клонилось к упадку, Вильна становилась другим революционным центром. Осенью 1817 года группа студентов Виленского университета основала Общество филоматов. Основателями были Томаш Зан, Адам Мицкевич, Юзеф

Ежовский, Онуфрий Петрашкевич, Франтишек Чиж. Поначалу филоматы были лишь научно-культурным кружком. Студенты собирали народные песни, предания, изучали литовские и белорусские обычаи. Их цели казались чисто культурными.

Но культура — это политика. В стране, управляемой Россией, изучение польских народных песен, запись литовских преданий сами по себе были национальной декларацией. Филоматы выросли. Мицкевич начал писать стихи, его «Ода к молодости» переписывалась в университете. Томаш Зан стал душой организации — поэт, не писавший стихов, оратор, не произносивший речей, лидер, управлявший последователями молчанием и взглядом.

В 1820 году возникло производное общество филоматов — Общество филаретов. Оно было более скрытым, более элитарным: только самые верные члены могли в него войти. Целью филаретов было «взаимопомощь и самосовершенствование». Но эта формулировка скрывала истинную цель: национальное освобождение. В уставе филаретов было записано «ясное направление к освобождению отечества», их члены присягали работать ради возрождения Польши.

К 1823 году сеть филоматов и филаретов охватывала весь Виленский университет. Студенческие кружки, читальни, тайные собрания — десятки маленьких организаций действовали, связанные между собой личными отношениями Томаша Зана. Молодые люди в Вильне верили, что готовят новую Польшу.

1823 год, Вильна. Полиция начала аресты студентов. Томаш Зан, Адам Мицкевич, Ян Чечот — десятки молодых людей были брошены в тюрьму. Обвинение: «участие в тайных обществах». Допросы длились месяцами. Студентов держали в переполненных камерах, допрашивали снова и снова, угрожали, соблазняли. Некоторые сломались под давлением, выдали товарищей. Большинство хранили молчание. Мицкевич в тюрьме написал фрагменты «Дзядов» — те строки о камерах, кандалах, пытках, которые станут самыми гневными страницами польской литературы.

В 1824 году был вынесен приговор. Томаш Зан был приговорён к ссылке в Россию — прочь от Польши, прочь от своих студентов, прочь от своей организации. Мицкевич был приговорён к ссылке во внутренние губернии России. Остальные получили различные наказания. Общество филоматов и филаретов было уничтожено. Но культурная память не была уничтожена. Мицкевич в ссылке написал свои величайшие произведения. Томаш Зан выжил в сибирском холоде. Те, кого не арестовали, продолжали действовать в тени. Виленский университет перестал быть центром тайных обществ. Но его наследие — сопротивление империи через культуру — станет главной стратегией польского национального выживания.

1823 год, Киев. Там встретились две группы. С одной стороны — представитель польского Патриотического общества: Северин Кржижановский. С другой — представители русских декабристов: Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. Посредником был Антоний Ходкевич — польский шляхтич, служивший в русской армии и знавший обе стороны.

Разговоры были осторожными. Ни одна сторона не раскрывала всех карт. Кржижановский был особенно осмотрителен — он знал, что его организация гораздо слабее декабристской. Но некоторые основные вопросы были подняты: Где будут границы независимой Польши? Ответ декабристов был расплывчатым. Пестель в «Русской правде» признавал за Польшей право на независимость, но представлял себе федерацию во главе с Россией. Южное общество обещало: Польша получит независимость, но часть литовских земель должны вернуться к Польше. Какими будут отношения двух стран после восстания? Поляки хотели полностью независимого государства. Русские хотели союзника — даже сателлита. Что делать с крестьянским вопросом? Декабристы были радикальнее поляков. Южное общество выступало за отмену крепостного права и наделение крестьян землёй. Польское Патриотическое общество — крупная аристократия — молчало об этом.

Эти разногласия не остановили переговоры. В 1825 году Пестель лично встретился с польским представителем Антонием Яблоновским. Пестель изложил свой план: убить царскую семью, провозгласить республику, одновременное восстание в Польше, сковать литовские русские войска, при необходимости убить великого князя Константина. Реакция Яблоновского была — ужас. Он не мог принять план «убить всю семью». Он мог принять: Польша получает независимость, Литва возвращается Польше, но без убийств, без социализма. Стороны с трудом согласились: Польша сама выберет форму правления.

Эти переговоры не привели к конкретному соглашению. Но они создали прецедент: польские и русские революционеры когда-то сидели за одним столом.

В 1825 году совместные обсуждения Патриотического общества и Ордена храмовников достигли критической стадии. Орден храмовников — мистическая организация, возникающая из масонской степени «рыцарей Кадоша». При вступлении её члены присягали «ненавидеть до смерти тройное отвратительное самодержавие — папство, королевскую власть, военную власть». Основан в 1819 году капитаном Маевским, сначала действовал на Украине, затем распространился на Польшу.

Храмовники были богаче и влиятельнее Патриотического общества. Они имели широкие связи на Украине с русскими офицерами — включая будущих декабристов. Именно храмовники передавали в Варшаву сведения о недовольстве в русской армии. В ноябре 1825 года член ордена Маевский объявил: все политические союзы должны объединиться для достижения через революцию «личной свободы и независимости отечества». Патриотическое общество и храмовники должны действовать вместе.

Но препятствия к объединению были огромны. Аристократы из Патриотического общества и мистики из ордена храмовников были чужды друг другу по духу. Патриотическое общество хотело национальной независимости, храмовники — «всеобщей революции» против «тройного самодержавия». И главное: они не знали, что восстание декабристов вспыхнет через несколько дней.

14 декабря 1825 года, Санкт-Петербург. Декабристы восстали. Они пытались помешать вступлению на престол Николая I, требовали конституции, отмены крепостного права, республики. Восстание потерпело поражение. Через несколько часов мятежники были рассеяны артиллерией. Лидеры декабристов были арестованы, допрошены, повешены или сосланы в Сибирь.

Когда весть дошла до Варшавы, Патриотическое общество готовилось к объединению с храмовниками. У них не было времени на реакцию. А затем декабристы начали давать показания.

«Поляки». Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин — на допросах они назвали поляков. Имя Ходкевича, имя Кржижановского, имя Патриотического общества, переговоры с Южным обществом. У Николая I было всё, что нужно.

1826 год, Варшава. Приказы об аресте были отданы. Северин Кржижановский, Станислав Солтык, Антоний Яблоновский — все руководители Патриотического общества были схвачены. Члены ордена храмовников — тоже. Всего было арестовано несколько сотен человек.

Конституция Царства Польского гласила: поляков может судить только польский суд. Великий князь Константин решил соблюсти конституцию — отчасти потому, что действительно уважал закон, отчасти потому, что не хотел отдавать польское правосудие в руки русских.

Суд состоялся в 1828 году. Членов Патриотического общества обвинили в «государственной измене». Но польский суд отказался признать их действия «государственной изменой» — потому что они не взяли в руки оружия, не вступили в сговор с иностранной державой. Приговор был мягким: несколько лет тюрьмы, не смертная казнь. Солтык был приговорён к девяти годам, Кржижановский — к шести, остальные — к меньшим срокам. Приговор польского суда

привёл Николая I в ярость. Но Константин поддержал суд. Это был последний и самый знаменитый случай защиты польской автономии в его правление.

Патриотическое общество умерло. Его руководители сидели в тюрьме, его сеть была уничтожена, его члены разбежались. Орден храмовников тоже умер. Но Лукасинский в тюрьме был ещё жив. Томаш Зан в Сибири был ещё жив. Мицкевич в русской ссылке был ещё жив. Они были живы — значит, память была жива. А память в Польше — это топливо.

После 1828 года варшавские салоны умолкли. Виленские аудитории умолкли. Газеты перестали писать о политике. Молодёжь перестала спорить в кафе. Но подземный пульс не остановился. К 1830 году появились новые тайные общества. Молодые офицеры Варшавской пехотной школы создали «Заговорщиков». Их лидером был Пётр Высоцкий — молодой подпоручик, нетерпеливый революционер. Они больше не стремились к союзу с русскими. Провал декабристов научил их: русские ненадёжны. Они больше не ждали дипломатических переговоров. Суд над Патриотическим обществом научил их: конституция Польшу не спасёт. Они решили: ворваться в Бельведерский дворец, пока великий князь Константин спит, убить его и объявить восстание.

1828 год: выжившие члены Патриотического общества в тюрьме. 1828 год: Томаш Зан в Сибири. 1828 год: Мицкевич в ссылке пишет стихи. 1828 год: Высоцкий и его друзья в подвале Варшавской пехотной школы приносят присягу.

Польские тайные общества умерли. Да здравствуют польские тайные общества.

Глава пятая. Выстрелы в Варшаве

29 ноября 1830 года, шесть часов вечера. Варшава, Лазенки, Школа подхорунжих.

Пётр Высоцкий вошёл в казарму. Голос его был негромким, но его слышал каждый молодой человек: «Братья, час свободы настал.» Ответом ему был рёв всей комнаты: «Да здравствует Польша!»

Высоцкому тридцать три года. Он преподаватель этой школы, человек, который, казалось бы, не должен стоять на передовой революции — он не пишет стихов, не произносит речей, не любит рассуждать о конституции в салонах. Он преподаёт тактику, строевую подготовку, то, как убивать на войне. Но в его душе горел огонь. В 1828 году он создал «Заговор подхорунжих». К 1830 году в этой организации состояло около двухсот человек — юноши из школы, студенты, ремесленники. Они знали, что конституция Царства Польского попирается уже десять лет. Они знали, что сейм не собирался три года. Они знали, что шпионы Константина повсюду. Они знали ещё одно: возможность восстания вот-вот исчезнет.

Несколько дней назад до Высоцкого дошли слухи, что заговор раскрыт. Одновременно Николай I приказал мобилизовать польскую армию — якобы для подавления революций в Бельгии и Франции. Польских солдат собирались использовать для подавления чужой свободы. Сейчас или никогда.

Группа, атаковавшая Бельведер, насчитывала всего четырнадцать человек — в основном штатские заговорщики, студенты. Их задача была ворваться внутрь и убить великого князя Константина. Они потерпели неудачу. Когда они ворвались во дворец, Константин уже бежал через чёрный ход и спрятался в покоях своей польской жены Иоанны Грудзинской. Полицеймейстер Любовицкий поднял тревогу. Четырнадцать человек обыскали покои великого князя, никого не нашли и отступили. Атака на Бельведер провалилась настолько основательно, что позже кто-то пошутил: если бы у Константина было хоть немного смелости, восстание закончилось бы в первый же час.

Высоцкий с сотней пятидесятью подхорунжими бросился к казармам кавалергардов. Другая группа — к арсеналу. Но план с самого начала рассыпался. Три ударные группы должны были действовать одновременно. Высоцкий в Лазенках, Заливский в городе, ещё одна группа в другом месте. Они не скоординировались. Заливский медлил, теряя первоначальную расте-

рянность. Большинство командиров других польских полков отказались присоединиться — они были верны присяге, верны Константину, верны царю.

Повстанцы убили тех польских генералов, которые отказались изменить присяге. Морицы Гавке — военный министр, семидесятидвухлетний старик, потерявший ногу в наполеоновских войнах. Повстанцы закололи его штыками. Станислав Потоцкий — кавалерийский генерал, пытавшийся восстановить порядок в мятежных частях. Его остановили на дороге и зарубили. Юзеф Новицкий — старый генерал, ехавший верхом в Бельведер. Заколот. Игнацы Блюмер — генерал, убитый near арсенала. Станислав Трембицкий — начальник Школы подхорунжих. Повстанцы схватили его, тащили за собой, он всю дорогу уговаривал их повернуть назад. Они не послушали. Томаш Семёнтовский — генерал, убитый в другом месте. Филип Мечшевский — полковник, начальник штаба Гавке. Убит.

Семь человек. Позже Николай I поставил на Саксонской площади в Варшаве памятник с надписью: «Полякам, погибшим в 1830 году за верность государю». Поляки называли его «памятником семи трупам». Они плевали на него.

Больше всего повстанцам нужно было оружие. Арсенал находился на другом конце города, на улице Длуга. Высоцкий с подхорунжими, к которым присоединились две тысячи студентов и рабочих — они влились в суматохе, — бросился к арсеналу. Защитников было немного. После нескольких залпов арсенал пал. Сорок тысяч винтовок оказались в руках повстанцев. Это был перелом. До этого они были всего лишь группой молодых людей с пистолетами и саблями. Теперь у них была армия.

В два часа ночи Константин созвал русских командиров. Сколько у него было войск? Пять русских гвардейских полков, один польский кавалерийский полк, большая часть польской гвардейской пехоты, две артиллерийские батареи. По меньшей мере пять тысяч человек, обученных. У повстанцев было две-три тысячи, в основном штатские и студенты, без единого командования, без боевого опыта. Если бы он приказал атаковать, восстание было бы раздавлено до рассвета.

Он не сделал этого. Константин позже сказал: «Я не хочу вмешиваться в эту польскую драку.» Он имел в виду: это дело поляков и их короля — Николая. Он не хотел крови. Он не хотел столкновения своих солдат с варшавянами. Он боялся, что «дух» французской и бельгийской революций перекинется на его солдат. Он принял решение: отступить.

В два часа ночи русские войска начали выходить из Варшавы. Без боя, без сопротивления. Они перешли мост через Прагу и исчезли в темноте. Когда утром варшавяне проснулись, русских солдат в городе не было.

Утром 30 ноября повстанцы стояли на улицах Варшавы, растерянно глядя друг на друга. Они победили. Они не знали, как. Они не знали, что делать дальше. У них не было вождя. Руководителем заговора был Высоцкий — поручик, не генерал. Ночью они пытались уговорить нескольких старших офицеров взять командование. Все отказались.

И тогда произошла странная вещь. В то утро Административный совет — марионеточное правительство Константина — сам пошёл навстречу повстанцам. Совет выпустил заявление, осуждая «вчерашние события», но одновременно отправил делегацию к Константину с просьбой не уезжать, помочь «восстановить порядок» и заверить царя, что «ничего серьёзного не произошло». Ответ Константина был: нет. Тогда Совет начал перехватывать восстание.

Адам Чарторыйский — тот, кто когда-то был другом Александра I, одним из авторов конституции Царства Польского, — стал председателем временного правительства. Его первое заявление гласило: «Я беру власть только для того, чтобы остановить революцию.» Это был первый парадокс польского восстания: консерваторы перехватили революцию, чтобы она не стала революцией.

3 декабря генерал Юзеф Хлопицкий был назначен главнокомандующим повстанческой армии. Хлопицкому под шестьдесят. Он участвовал в восстании Костюшко, воевал в легионах

Наполеона, получил орден Почётного легиона. Он был одним из самых опытных генералов польской армии. В ночь на 29 ноября он был в театре. Заговорщики нашли его и попросили возглавить восстание. Он наотрез отказался. Через четыре дня он принял пост главнокомандующего. Ещё через два дня объявил себя диктатором.

Но его диктатура была не для того, чтобы выиграть войну. Его диктатура была для того, чтобы закончить войну. Хлопицкий не верил, что восстание может победить. Он открыто говорил, что без военной помощи западных держав Польша не сможет одолеть Россию. Он хотел договориться с царём. Он хотел убедить Николая, что ночь 29 ноября — «несчастный случай», выходка нескольких молодых людей, а не национальное восстание. Он отправил делегацию в Санкт-Петербург.

Делегация ещё не доехала, а Николай уже ответил. 5 декабря он издал «Обращение к польской армии и народу», приказывая восстановить Административный совет и призывая поляков «немедленно вернуться с преступного, краткого пути заблуждения». Затем он отправил сто тысяч солдат. Хлопицкий ждал несколько недель. Он получил ультиматум с требованием безоговорочной капитуляции. В январе 1831 года Хлопицкий подал в отставку. Он сказал, что не хочет возглавлять войну, которую не может закончить.

25 января 1831 года, Варшава, зал сейма. Депутаты собрались — те, кого не запугали полиция и шпионы Константина, те, кто верил, что конституция ещё что-то значит, те, кто наконец понял, что конституция мертва. Они сделали одну из самых знаменитых вещей в польской истории: они низложили Николая Романова.

Формулировка постановления — одна из самых резких страниц польской политической речи: «Николай Романов своими деяниями лишился польского престола. Он объявляется врагом Польши. Польский народ отныне не имеет с ним ничего общего.» Впервые за сто с лишним лет поляки сами решили, кто их король — или, вернее, кто им не будет.

В феврале 1831 года русские войска перешли границу. У Польши было около семидесяти-восемидесяти тысяч солдат. У России — сто десять — сто пятьдесят тысяч. Первое крупное сражение произошло near Гроховом. Двадцать пятое февраля. Польские войска остановили русское наступление в ольховой роще Ольшинка Гроховская. Поле было усеяно трупами. Обе стороны понесли тяжёлые потери. Поляки не проиграли. Это было лучшее, что можно было сказать.

Потом пришли победы. Игнацы Прондзиньский — талантливый, но вспыльчивый генерал — разбил русских в нескольких небольших боях. Кавалерия Дверницкого разгромила русскую кавалерийскую бригаду, захватив более десяти тысяч пленных. Весть дошла до Варшавы, и люди начали верить: может быть, только может быть, это возможно.

26 мая 1831 года польская армия была разбита near Остроленкой. Это было решающее сражение. Русские удержали позиции, поляки понесли огромные потери. Лишь конная батарея Юзефа Бема пошла в отчаянную атаку, прикрывая отход остатков армии к варшавскому предместью Прага. С этого момента поляки больше не наступали. Они только ждали, когда русские придут осаждать Варшаву.

В августе русские начали осаду. Варшава была окружена. В городе были повстанческая армия, правительство, горожане, беженцы. На стенах стояли пушки, на улицах — баррикады. Двадцать третьего августа произошла странная вещь. Корпус Ламорисье — двадцатитысячное польское соединение под командованием французско-итальянского генерала Джироламо Ламорисье — покинул Варшаву и двинулся на юг. Формально они должны были ударить по русскому флангу. Фактически они сопровождали варшавскую знать и «цвет лучших семей» — тех, кто вложил в восстание деньги и энтузиазм, но не хотел нести последствия, когда русские войдут в город. Они хотели выйти. Они хотели выжить.

Шестого сентября русские начали генеральный штурм варшавского предместья Воля. Польский генерал Юзеф Совиньский — старик, потерявший ногу, — командовал последней

обороной в костёле. Когда русские прорвались, он всё ещё стрелял. Его закололи штыками. Воля пала. На следующий вечер Варшава капитулировала. Двадцать первого октября крепость Замостье — последний очаг сопротивления — капитулировала.

Восстание закончилось. С 29 ноября 1830 года по 21 октября 1831 года — десять месяцев. Поляки противостояли десять месяцев. У них было семьдесят тысяч против ста пятидесяти тысяч русских. Они выиграли несколько сражений, а затем проиграли войну.

После вступления русских войск начались репрессии. Более восьмисот человек были приговорены к ссылке — в Сибирь, на Кавказ, во внутренние губернии империи. Их имущество конфисковано. Польская армия расформирована и включена в русскую. Сейм распущен. Университеты закрыты.

А затем началось нечто более тонкое и более смертоносное. Имя Царства Польского начало исчезать. Конституция отменена. Польский язык изгнан из государственных учреждений, судов, школ. Польские знамёна спущены, заменены русскими.

Тысячи поляков начали бежать на запад. Они переходили прусскую границу, австрийскую границу, шли через Германию и в конце концов добирались до Франции. Париж стал их центром. Около восьми тысяч человек покинули Польшу — не все, но достаточно много. Среди них были аристократы, офицеры, солдаты, политики, журналисты, поэты, музыканты.

Фредерик Шопен покинул Варшаву той осенью. В Штутгарте он узнал о падении Варшавы и написал «Революционный этюд». Он больше никогда не вернулся в Польшу. Его музыка стала голосом Польши в изгнании. Адам Мицкевич в изгнании написал «Пана Тадеуша» — эпопею, действие которой происходит в польской деревне, а заканчивается словами: «Будем же любить друг друга». Юлиуш Словацкий написал «Кордиана» — драму о поражении, о человеке, который хотел убить царя и потерпел неудачу.

Польша продолжала жить в изгнании. Её границы исчезли, но её голос — нет.

Пётр Высоцкий, тот, кто вечером 29 ноября 1830 года вошёл в казарму и сказал: «Братя, час свободы настал», — он не погиб на поле боя. Его арестовали. Приговорили к смертной казни. Заменяли ссылкой в Сибирь. Двадцать лет. Он выжил. В 1867 году он опубликовал воспоминания о восстании, которое сам начал. В 1875 году он умер near Варкой, там, где родился. Он дожил до того, как увидел другое восстание — 1863 года — и его поражение. А потом он умер.

25 января 1831 года сейм низложил Николая. Он объявил, что у Польши больше нет короля. Но он не ответил на вопрос. Тот вопрос, который стоял с 1815 года и который никто не осмеливался задать вслух: Где границы Польши? Сейм сказал, что они воюют за «Польшу». Но включала ли эта «Польша» Литву? Включала ли Белоруссию? Включала ли Правобережную Украину? Те земли, которые в 1772 году принадлежали Польше, а теперь принадлежали России, — считались ли они Польшей? Никто не ответил. Потому что не знал.

Когда повстанцы взяли в руки оружие, они противостояли русской армии. Но они не противостояли более глубокой проблеме: Может ли страна без границ, без единой политической воли, без поддержки крестьян выиграть войну за независимость? Ответ 1831 года был: нет. Но вопрос оставался: а в следующий раз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.